

Пока есть
шанс...

Татьяна Золотаренко
«Метаморфозы сердца»

16+

Татьяна © Золотаренко

Татьяна Золотаренко

Пока есть шанс...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33581641
SelfPub; 2018*

Аннотация

Молодая девушка-студентка узнает, что беременна от бывшего возлюбленного. Новый ухажер, давно питающий к ней чувства, умоляет оставить ребенка и выражает готовность воспитывать его вместе с ней как родного. Казалось бы решение, способное кардинально повлиять одновременно на три жизни, уже принято. Если бы только не один удивительный случай...

– Умоляю тебя, Алинка, не делай аборт! – причитал Роман, стоя на коленях перед девушкой, в которую был влюблен еще со школы. И только недавно, спустя несколько лет после отзвучавшего выпускного бала, она приняла его ухаживания.

– А что делать? – взывала девушка, со стыдом закрывая лицо руками. – Рожать?

– Но ведь это ребенок!..

– Там еще не ребенок!

У Романа ком стал в горле.

– А кто? – только и спросил он.

– Рома, ты понимаешь, что такое воспитывать чужого? – возмутилась Алина, игнорируя его вопрос и снова опуская слово «ребенок». – Ты хотя бы на миг себе это представил? Мы с тобой встречаемся всего неделю... А до это я встречалась с ним...

– Да я люблю тебя, Алька... Ты ведь знаешь, что давно люблю! Ну и пусть он – биологический отец... А я стану настоящим!.. Слышишь? Я дам этому ребенку всё, что будет в моих силах... Он ведь от тебя! Как ты не поймешь?

Закрыв опухшие от слез глаза, она нервно выдохнула.

– Встань! И прекрати, пожалуйста, этот цирк. Решение принято! Портить жизнь тебе и себе я не буду. Да и что ждет ребенка? Неизвестно! Потому что сейчас это видится легко, а потом... потом начнутся бытовые проблемы... Вообще, давай оставим эту тему. Да и... к чему ребенок сейчас? Пло-

дить нищету? Мне еще учиться целый год...

– Какая нищета? Да ведь я работаю!

– Забыли, Рома! Всё!

На следующий день Алина уже ехала в общественном транспорте в больницу. Подумаешь, решиться-то! Сколько девчонок из ее «потока» это уже делали. А некоторые – не один раз.

Да, хотелось, чтобы все было иначе. Хотелось начать отношения с Романом не с этого трагичного листа. Но... некоторые вещи спланировать человеку не по силам.

Всё вокруг плыло в какой-то прострации. Мысли, мысли, мысли... В голове их крутилось безмерное множество, хотелось поскорей избавиться от них и не думать. А это возможно только при условии освобождения ее тела от лишней ноши.

Электронный голос водителя звучал будто из какого-то другого мира, и Алька машинально вслушивалась в его звучание. Не в слова – в сам звук, казавшийся ей умиротворенным. Люди заходили, выходили, монотонный гул толпы, висящей на поручнях, тоже немного успокаивал.

Временами она отвлекалась на происходящее вокруг: какая-то бабулька застряла в дверях с мешком картофеля... Хотелось спросить: «Бабушка, куда вы его прёте с утра пораньше? Люди на работу едут, на учебу, по делам серьезным! А вам срочно надо вдавливать этот мешок в набитый трамвай!»

Потом взгляд упал на парня с девушкой прямо у ее сиденья... Воркуют, временами чмокают друг друга... Наверное, всю ночь провели вместе...

А она всю ночь не спала. Все думала да представляла себе: «Что будет, если рожу? А как получится, если аборт сделаю?»

Полу-сонный трамвай следовал в своем направлении. И время от времени Алина, отвлеченная повседневными реалиями этого утра, возвращалась к своим мрачным мыслям.

А может оставить все-таки? Может послушать Ромку? Что тогда? А тогда ей казалось всё очевидным: Роман после рождения ребенка быстро смотает вещички и уйдет, как сделал это Сергей. Кому она нужна с ребенком на руках? Никому. Себе. Ну может маме. А с мамой до старости жить не будешь.

В этом состоянии нервного ожидания незаметно для себя Алина оказалась на приеме у врача по предварительной записи на операцию. Ей показалось, что все прошло как-то быстро, не смотря на утомительное ожидание, и «препятствие» на пути к спокойной жизни было устранено. Такое облегчение пришло после этого! Так тяжело казалось решиться, и так легко оказалось потом.

«Господи, как это просто!», – подумала она, лёжа в палате после короткой операции. Рядом будущие мамочки на сохранении, непрестанно раздражающие разговорами о своих желательных беременностях, и она... с нежелательной... и уже устранившейся.

Да это быстро забудется! Просто, как удаление бородавки – дискомфорт, желание избавиться, а потом поныло чуть и – облегчение. Воспоминаний оно не стоит.

И она не поверила бы тому, кто осмелился бы заверить ее, что через несколько лет она будет проливать слезы из-за невозможности исправить ошибку... Ведь есть такие ошибки, которые становятся ярмом на всю жизнь!

Это произошло тогда, когда в ее медицинской карте небрежным врачебным почерком был вынесен приговор: «Бесплодие». И шокированная Алина точно знала, что причина в аборте.

Теперь хотелось схватить календарь и лихорадочным движением рук отлистать несколько лет вспять... чтобы появилась возможность ответить: «Да, Ромка! Я оставлю этого малыша!». Даже если бы он не смог воспитывать чужого, она-то растила бы своего! И деньги нашлись бы. Говорят ведь: «Дает Бог дитя, даст и на дитя».

– О чем я тогда думала? – зарыдала она в трамвае по дороге домой.

Да не смущали люди... не смущали... смотрели с жалостью, – ну и пусть! Когда так сердце разрывается, нужно плакать.

Ведь в голове крутилось столько мыслей, как в тот злополучный день: они поженились, они любили друг друга, но отсутствие детей обоих угнетало. До такой степени, что Роман

начал медленно, но уверенно спиваться, а Алина настолько погрязла в депрессиях, что едва своими руками не... оборвала собственную жизнь... И сейчас в порыве боли появлялись мысли завершить незавершенное тогда...

– Бесплодна, девочка моя? – вдруг услышала Аля и подняла голову.

Рядом сидела бабулька, а вокруг... вокруг больше никого не было. Будто все испарились. Наверное, в своих рыданиях, Алина не заметила, как все вышли.

Откуда бабке известно? Опустив взгляд на руки, она увидела распахнутую медицинскую карту со вздутыми от слёз листами.

– Неприлично заглядывать... – выдохнула Аля.

– Неприлично... да ты так реवेशь, что помочь тебе хочется!

Смолкли. Алина чувствовала, что бабка уже готовилась обрушить поток вопросов, но задумчиво плямкала губами.

– Аборты были? – наконец, решила она.

– Были, – кивнула Алина и хотелось выпалить «и без вас знаю, что причина в этом».

– Да, последствия детоубийства ужасны, – говорила с грустью бабулька. – По себе знаю. Мне-то Бог дал детей после аборта, а только один из них – инвалид, другой – неблагополучный. Говорят, грех этот материнский ложится не только на мать, а и на других детишек. Страшно как!

Алина в ожидании смолкла. Сколько трагедий... от одной

ошибки?! Ужас какой! Неужели, правда?

– Да какое детоубийство? – возмутилась Алина. – Я не убивала детей! Там был еще не ребенок.

– Э-э-эх, милочка моя, а кто там был? – саркастически протянула бабуля. – Кто поселился в твоей утробе, если не дитя? Червяк? Уже и врачи, не то что духовники, признали, что ребенок с зачатия слышит свою маму. Если не слышит, то чувствует. А я тебе скажу, что душа сразу в ребенка вселяется! С тех пор, как Бог решил, что этому ребенку должно родиться. **А если кто-то забеременел, значит по воле Бога.**

«Ага, – иронично подумала Алина, – если кто забеременел, то от дури в башке и нежелания предохраняться».

– Желательно или не желательно – не нам решать, – будто прочитала мысли назойливая бабка. – Случилось – значит, нужно по какой-то причине. А то привыкли себя оправдывать: «нежелательная беременность». Все желательное, что от Бога. А все остальное – от пустоты в голове и черствости в сердце.

Молчала... С недовольством плямкала губами, чем невысказанно раздражалась. Алина уже начала погружаться в свои мысли.

– Но знаешь... – с внезапной мягкостью в голосе продолжила бабулька. – Вот ты молодая... молодые обычно не особо приветствуют к Богу обращаться, молиться, грехи испо-

ведовать... всё думают, что глупости это, не поможет ничего... что жизнь такая – вот и весь ответ... Но вот ты попробуй: сходи в храм, с батюшкой поговори, помолись... если хоть немного веришь... хоть чуточку. Пока есть надежда, надо действовать. Пока есть шанс...

– Простите, но я не думаю, что именно это способно решить мою проблему, – категорично отрезала Алина. – Тем более, врачи казали точно: «нет».

– Ясно. Врачам проще верить. Но знаешь, говорят, всё всегда к лучшему. Откуда ты знаешь, каким ребенок мог родиться? Может, Бог не дает тебе дитя во благо? Тебе это покажется жестоким, но я по себе сужу: мучиться с инвалидом тоже нелегко – и ему жизнь в тягость, и тебе... и тебе зияющая рана в сердце до последнего дня.

Помолчала чуток, потом опять продолжила:

– И все же уверенна, что меня Бог за аборт наказал. Ведь кто из нас хорошо головой думает, когда на детоубийство соглашается? Я когда аборт делала, от людей-то позор скрыла... Какой это был позор в те времена – забеременеть не от мужа! – запричитала, схватилась за голову. – И вот что получилось: **от людей позор скрыла, а пред Богом нагишом стала...**

– **Каким нагишом?**

– **Да всю грязь в своей душе напоказ выставила. От людей спрячешься, а от Бога – нет.**

«Да зачем я вообще с ней разговариваю? – пронеслось в

мыслях. – Когда она уже выйдет? Зацепилась на мою голову... И так тошно...»

– А я вот... – старушка отвела грустный взгляд в окно, – я так жалею, что когда-то не послушала совета одного человека – своей мамы... может тогда хотя бы младшему смогла помочь. А теперь всё так сложно!.. Хоть и не невозможно! – с последними словами старушка приободрилась. – **Мало кто понимает, что Бог может всё. И только Ему подвластно то, что врачи сделать не в силах. Потому что врачей тоже создал Бог.** Ну да ладно...

Заметив, что стала нагружать собеседницу, бабулька улыбнулась и с ободрением произнесла:

– Ты не отчаивайся, всё хорошо будет! **Всегда можно взять себе карапуза из приюта. Ему ты нужна не меньше, чем он тебе.** А вон, и сестра моя... со своей сворой.

Какая сестра? Алина вздернула голову и увидела перед собой еще одну бабульку, а вокруг нее толпа детей: чумазы, худенькие, кто без одежды, кто в лохмотьях. А один – вообще на руках, малюсенький совсем.

– Господи, так это моя ведь бабулька! – выдохнула девушка. – Бабуль, как ты тут?..

Но та будто и не замечала родной внучки, а обернулась к той бабке, что сидела рядом с ней:

– Марусь, есть просят... смотри, сколько их! А где я возьму им? Говорят, к Алинке пойдут просить. Да может, и правда, она накормит?

– Да она бездетная, может и возьмет кого... – махнула головой та в сторону Алины.

– А ведь все мои! Все мои! – вдруг зарыдала баба Уля. – Куда я, глупая, смотрела? О чем думала, когда убивала? Господи, всю жизнь от вины терзалась... А теперь они за мной, как хвостики. Алин, покорми детей... дай им покушать чего-нибудь, а то душу мою съедят по частицам...

Господи, сумасшествие какое-то! Что происходит-то?

– Баба Уля, ты ведь умерла... – пролепетала тяжелыми губами Алина. – Как ты могла их убить?

А у самой вопросов в голове крутилось куда больше. Что за бред-то? Разве бабуля была способна на такое? Всю жизнь всех любила да жалела. И что за дети? Как их покормить?

– Да как она еще могла убить? – вдруг проговорила бабка Маруся. – Раньше так и делали аборт: убивали, доставали да выкидывали. Бывало и сами делали, когда денег не было. Уже знали, как да что. Выпьешь гадость какую... и ждешь...

– Ужас какой... выкидывали, – продолжала лепетать опешившая Алина.

– Конечно ужас! А ты думала, куда их? Ну да, сейчас не выкидывают. В лаборатории сдают...

Начинало тошнить. Алине казалось, что вот-вот и она вырвет прямо здесь. Голова кружилась... Больше не хотелось ничего слышать. Перед глазами картина, как ее бабуля закапывает окровавленные трупы детей.

– Вот и ты поэтому забеременеть не можешь... еще и

аборт делать собираешься... лучше этих возьми, покорми...
– причитала бабка Маруся. – Покорми детей, слышишь?
Дочка! Дочка!

Последние слова расплылись эхом, а лицо бабульки почему-то устремилось на Алину и стало навязчиво шептать:

– Девушка! Девушка!

В какие-то секунды морщинистые и добродушные черты собеседницы разгладились, превратившись в моложавые и малопривятные. С испугом осмотревшись, Алина не увидела ни бабулек, ни детей. Только эта женщина... кондуктор?.. Нет, водитель трамвая.

Бросив взгляд в окно, пассажирка подскочила. Боже, конечная! Алина перепуганно оглянулась по сторонам. С ума сойти, возвращаться на несколько остановок! Господи... что вокруг? Где я? Где карточка? Где люди?

– Девушка! Выходите! – торопила ее водитель. – Мне в ДЕПО заходить надо.

И только дуновение свежего прохладного воздуха привело Алину в чувство: ей по-прежнему двадцать, она та же «залетевшая» от нерадивого возлюбленного студентка... И ехала она как раз в больницу на операцию по устранению нежелательной беременности...

Спустя какое-то время она очнулась на земле: стоя на коленях, сжимала в руках землю. И только сейчас поняла, что рыдает во все горло. Странно как! Че плакать-то, если ошибка еще не совершена?.. Сон казал-

ся таким реальным, что весь стресс происходящих в нем событий Алина пережила всем своим несчастным существом.

Внутри нее прошла какая-то волна... Может ребенок зашевелиться? Нет, еще не время. Хотя врач говорила, что плод уже большой...

Нужно взять себя в руки. Нужно немного подумать. Время? Она посмотрела на часы. Ах да, сейчас она должна быть на операционном столе. Уже все, опоздала, проспала, проехала. Значит, так надо. «К лучшему», – объяснилось в голове.

Сейчас надо углубиться в сон, пока еще все помнится. Столько информации дано!.. Понять надо, что к чему.

Почему баба Уля-то приснилась? Марусю эту Алина никогда и не знала! Аборты в те времена делались как попало, – это да. Баба Ульяна в церковь ходила, – да. И говорила часто, что за какой-то грех Бог никогда ее не простит... Может в этом как раз дело?

"Вот и ты забеременеть не можешь!" Да она-то смогла! Но намек, кажется, был на то, что цепочку этого греха остановить надо, а то род страдать продолжает. Слышала она, Алина, о родовых грехах... слышала!

Так. Опять каша. Что получается? За то, что баба Уля делала аборты якобы пострадала ее дочь и едва не пострадала внучка... Ага, племянница бабкина тоже удочеряла детей – не было своих... А у той племянницы братья были... Точ-

но! Один из них инвалид – правда! Алина даже вспомнила, что в отрочестве была у него на похоронах. Все сетовали вокруг: «прожил жизнь зря, мучаясь», «боль матери», «наказание». Но никакой Маруси она не помнит. Мать того инвалида умерла еще до его смерти.

Что получается? Сделай она аборт, то не смогла бы забеременеть, потому как добавила бы себе искупления по полной программе и за предков, и за свое? Поверить в это тяжело, но как сон легко объяснился и увязался с реальностью! Как тут не верить?

То, о чем просят во сне умершие, говорят, надо выполнять. Детей покормить... как покормить погибших, убитых абортom детей? Обычно на кладбище поминальное носят, что-то там в церкви заказывают, а тут у детей-то ни имени, ни могилы...

– Тётя, дай денежку, – устало подняв голову, Алина устремила заплаканные глаза на мальчишку лет восьми.

Беспризорник? Лицо чумазое, одежда грязная, местами рванная, худющий, и глаза тоскливые, смотрящие на нее то ли с мольбой, то ли с жалостью... Так похож на тех, которых она рядом с бабой Улей видела.

– Кушать хочется? – спросила Алина.

– Да, – кивнул мальчишка.

– Почему не в приюте?

Тот молчит.

– Сбежал?

Кивает.

Задумчиво зажав губы, она не знала, что и делать – продолжать изумляться, или истерически хохотать. Просто потому, что сегодня не успеваешь появиться вопрос – возникает ответ.

Господи, бедные дети! Ведь они всегда страдают не по своей воле! За себя они не страдают – разве у них есть свои грехи? Грехи или карма (очень модное слово, между прочим) – без разницы! **Вывод один: думать надо о том, что делаешь уже сейчас, а не когда-нибудь на пенсии. Потому что дети страдают за грехи взрослых. И порой это непоправимые страдания.** Вот мальчик этот... Она посмотрела на него с грустью: мальчишка-то, наверное, сиротел?

– Как в приют попал? – вдруг произнесла вслух мысленный вопрос.

– Родители отказались, – недовольно хмыкнул он. – Не нужен им оказался... Видать, есть дела и поважнее...

Господи, сколько взрослого осуждения в словах ребенка! Сглотнув слезы, Алина протянула ему яблоко, завалившееся в сумке.

– Пойдем, я тебя покормлю, – сказала она, беря его за руку. – Да и переодеть тебя надо.

Идя по дороге к остановке, она расспрашивала мальчика о его жизни, а сама понимала: детей кормить, лишившихся родительского попечения, сиротам помогать. Так может и

бабушкин грех простится.

Правда ли всё это? Разве может ТАКОЕ просто так при-
сниться? И мальчишка этот... она посмотрела на мальчика.
Мальчишка кем послан? Ну и чудеса!

Через несколько лет лет у Романа и Алины Пономаревых
росло пятеро детей – двое своих и трое детдомовцев. И день-
ги нашлись, и жилье, и главное – любви на всех хватило!